

С МОЛЬБЕРТОМ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ

Сентябрьским утром 1892 года, едва солнце позолотило главы московских церквей, Верещагин отправился на эту-ды. Он сидел в телеге на мягком, набитом душистым сеном куле и бережно придерживал ящик с красками и палитрой. Иногда художник оглядывался на ехавшего вместе с ним натурщика Петра Филиппова и не мог сдержать улыбки. Тот был одет под Наполеона — такой же серый сюртук и треугольная шляпа. Редкие в столь ранний час прохожие с удивлением рассматривали ряженого седока и терялись в догадках: «Что это за артист?»

На Поклонной горе Василий Васильевич быстро устанавливал складную табуретку, мольберт с холстом, натянутым на подрамник, приготовил краски.

— Сегодня, Петро, я буду рисовать твою «наполеоновскую» спину. Сзади ты очень похож на французского императора — и рост такой же, и телосложение. Вот так и стой — лицом к городу, спиной ко мне...

Верещагин приступил к работе. Под его юркой кистью на полотне постепенно возникало розоватое, тонкое, словно кисейное, марево — фон, сквозь который будут проступать очертания белокаменной столицы земли русской. А в центре картины надо изобразить императора, ожидающего депутацию «бояр» с ключами от древней Москвы. Поглощенный своим занятием, художник мысленно вновь и вновь повторял любимые пушкинские строки:

«Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем

упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля;
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной

головой...»

До сумерек Верещагин успел в основном закончить портрет завоевателя и набросать контуры городских зданий, маячивших в отдалении сквозь дымку. Проходящие с приветственными возгласами войска и фигуры генералов, стоящих позади императора, вполне можно дописать и у себя в мастерской.

Обратно ехали неторопливо, чтобы в дорожной тряске ненароком не повредить свежую краску на холсте. По пути живописец с увлечением рассказывал натурщику и кучеру о своем грандиозном замысле: создать целую серию полотен о войне россиян с французскими захватчиками.

«Цель у меня была одна, — писал он впоследствии, — показать в картинах двенадцатого года великий национальный дух русского народа, его самоотверженность и героизм в борьбе с врагом. Было желание еще свести образ Наполеона с того пьедестала героя, на который он внесен. Но это второстепенно — для меня самое важное было лишь первое».

К тому времени Верещагин был уже признанным, широко известным мастером батальной живописи. Что такое война, он знал не понаслышке. Сам не раз побывал в самом пекле и в Средней Азии, и на Балканах. Но теперь ему впервые предстояло «реконструировать» давно минувшие события, вжиться в них. Художник подолгу перебирает в архивах пожелтевшие документы, читает внимательно произведения русских и французских авторов — участников той войны, в подмосковных селах слушает мужицкие предания о борьбе с басурманами, собирает старые мундиры и другие вещи, которые должны помочь художнику верно передать «аромат» эпохи.

За полтора десятка лет Верещагин успел создать два-

цать живописных полотен об Отечественной войне. Несколько из них переносят зрителей в охваченную пламенем пожарищ, разграбленную, но не покорившуюся иноземцам Москву.

Сохранились развернутые письменные заготовки Верещагина, своего рода сценарии к этим произведениям. Ониместили в себя воспоминания очевидцев, факты, почерпнутые в архивах. Несомненно, художник обладал и незаурядным писательским даром. Приведу лишь несколько отрывков из этих его заметок:

«Пожары в Москве начались в первую же ночь по оставлении города нашими войсками. Когда Наполеон въехал в Кремль, уже сильно горели москательная и масляная лавки, Зарядье, Балчуг и занимался Гостинный двор на Красной площади...

Пожар Замоскворечья, растлавшийся прямо перед дворцом, представлялся взволнованным огненным морем и производил поразительное впечатление: Наполеон нигде не находил себе места; быстрыми шагами перебежал он двор-

цовые комнаты; движения его обличали страшную тревогу... Он выходил для наблюдения на кремлевскую стену, но жар и головешки от замоскворецкого огня принудили его удалиться...

Наследие

Велик должен быть ужас Наполеона при виде этого необыкновенного пожара: обратив все свои усилия там и Москву и надеясь взятием ее поразить Россию в самое сердце, он с болью в душе следил за тем, как Москва превращается в груды камней и золы, которыми русские, конечно, уже не будут дорожить...

Наполеон, решившись наконец покинуть Кремль, вышел из него тем самым путем, которым вошел: от Каменного моста он пошел по Арбату, заблудился там и, едва не сгорев, выбрался к селу Хорошеву; переправившись через Москву-реку по плавучему мосту, мимо Ваганьковского кладбища он дошел к вечеру до Петровского дворца.

...С 5/17 сентября пошел сильный дождь, который несколько утишил пожары, но не прекратил их, и когда Наполеон возвращался из Петровского дворца в Кремль, «к трону московских царей», город не только дымился еще, но местами и пылал.

Бивуаки французских войск, окружавшие Петровский дворец, доходили до Тверских ворот. По словам очевидцев, генералы стояли в зданиях фабрик, лошади — в аллеях. Повсюду горели большие костры, в которых огонь поддерживался рамами, дверями, мебелью и образами. Вокруг огней, на мокрой соломе, прикрытой дощатыми навесами, толпились солдаты,

а офицеры, покрытые грязью и закопченные от дыма, сидели в креслах или лежали на крытых богатыми материями диванах. Они кутали ноги в меха и восточные шали, а ели на серебряных блюдах черную похлебку из конины, с золой и пеплом...

Император встречал толпы солдат, обремененных добычей или гнавших перед собой русских, как вьючных животных, падавших под тяжелыми ношами.

Солдаты разных корпусов дрались между собой из-за добычи и не повиновались начальникам. Большая часть солдат была пьяна...

Обыкновенно хладнокровно, с любопытством и удовольствием осматривавший поля битвы, усеянные трупами, Наполеон вряд ли испытывал то

дается отрывистая команда офицера, и безликая, бездушная шеренга французских войск берет ружья на изготовку. Какой пронзительный протест против осквернения народных святынь, против жестокой расправы без суда и следствия вложил художник в это полотно! (Кстати, оно и еще несколько работ Верещагина, посвященных войне 1812 года, демонстрируются сейчас в выставочном зале «Тушино» на бульваре Яна Райниса, дом 19/1).

Грубой военной силой, пролив даже моря крови, невозможно подавить стремление народа к свободе и независимости, навязать ему свою волю. Расплата за содеянное зло неминуема. Об этом еще раз напоминает цикл картин Верещагина.

Сидя за кремлевскими стенами, наблюдая, как прекрасный город превращается в руины, а его «великая армия» — в орду алчных, голодных хищников, готовых перегрызть друг другу глотку из-за добычи, Наполеон начинает понимать всю безысходность ситуации, в которую он вверг себя и свои войска. Момент мучительного раздумья императора над происходящим запечатлен в картине «На этапе. Дурные вести из Франции». Чтобы подчеркнуть несовместимость завоевательных войн и духовной культуры, художник в качестве антуража опять взял интерьер одного из кремлевских соборов, в чьем алтаре Наполеон, как подобает истинному варвару, ни в грош не ставящему обычаям и религиозным чувствам чужих народов, устроил себе спальню и рабочий кабинет.

«И чем он занимался! — писал В. Верещагин. — По целым часам сидел, полулежал с книжкой нового романа в руке или с листком новых, в честь его сложенных в Париже стихов, о достоинствах которых подолгу рассуждал с приближенными... Он опустился и еще потолстел за этот ужасный месяц вынужденного бездействия! Как он ни скрывал свое смущение от всех, приближенные видели страшную борьбу, в нем происходившую; недаром по утрам, на выходах, он чувствовал, как пронизывали его их пытливые взгляды, замечавшие бледность, усталость, следы бессонных ночей, отрывочную резкость его речи, часто переходившую в нетерпеливые выходки, даже брань... Все мрачнее и мрачнее думы Наполеона, все безотраднее кажется ему его положение».

Скоро, очень скоро незадачливому завоевателю придется навсегда оставить Москву и, теряя на снежных просторах России жалкие остатки своих войск, бежать прочь из этой ужасной страны, которая вдребезги разбила его честолюбивые мечты, развеяла над ним ореол непобедимого полководца.

Николай МУСИЕНКО.